

Я. Сятковский

О ПОЛЬСК. *PIESKI* 'ВИСКИ'
И ПОДОБНЫХ СЛОВАХ
В ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В польском языке XVI–XVII вв. мы находим несколько свидетельств имени *pieski* в значении 'виски'. Два таких примера привел уже С.Б. Линде; их повторяет "Словарь польского языка XVI века" (Sł. polszcz. XVI w. XXIV, 146). Это имя употребили Г. Спициньский ("O ziołach tutecznych i zamorskich... księgi lekarskie", Kraków 1566, 192) и М. Сенник ("Herbarz", Kraków, 1568, 418a): "Dwie żyłe na *pieskach* albo na *skroniach* z obu stron puszcżany, pomagają przeciw bolesci vszu, ileż zbytniemu łez płynieniu z oczu". Кроме того, в картотеке "Словаря польского языка XVII и первой половины XVIII века" я нашел один пример, подтверждающий это значение в "Дневнике" (1606–1608) Немоевского: "Łby gołe poszą, kosmy tylko na *pieskach* podle uszów zostawiwszy" (издание 1889 г., 174). Как видим, имя *piesek*, являющееся уменьшительной формой *рьськъъ (с *-e-* в начальном слоге, перенесенным из косвенных падежей) от *рьсьъ 'собака, пёс', употребляемое обычно во множественном числе, приобрело неожиданное значение 'висок'.

Помимо того, в обоих изданиях словаря Г. Кнапского (1621, 1643) это слово было употреблено применительно к проходящим через виски кровеносным сосудам, которые должны, согласно воззрениям средневековой медицины, вызывать сон: "*Piesek* abo *pieski* Arteriae soporiferae [Soporales, Medicis] in temporibus conspicuae".

Значение 'висок' для уменьшительной формы от слова *pec* не ограничивается только польским языком.

В обоих лужицких языках известно слово *psyk* 'пес, собака', по происхождению – уменьшительная форма *рьсикъ от *рьсьъ 'пес, собака', которое в нижнелужицком языке в форме множественного числа *psyki* также означает 'виски'. Это слово присуще как литературному языку, так и диалектам. Из "Атласа лужицких диалектов" мы узнаем, что имя *psyki* 'виски' присутствует повсеместно на территории всей Нижней Лужицы². Оно засвидетельствовано в нижнелужицком языке уже с XVIII в.: как сообщает "Лужицкий атлас", его отмечают словари Й.Г. Гауптмана (1761), Й.Г. Цвара (1847) и А. Муки (1928).

Мука (Мука II, 194) счел н.-луж. *psyki* 'виски' результатом метатезы гипотетического имени *спики ← *сьпикъ, производ-

ного от *sъpati ‘спать’, приводя польск. *śpik* ‘сонливость, спячка’. Это объяснение принимают авторы “Лужицкого атласа”, а также Х. Шустер-Шевц (Schuster-Šewc III, 1180–1181). Из “Малого атласа польских говоров”³ мы узнаем, что *śpiki* ‘виски’ известны в польских диалектах северной Силезии, Великой Польши и соседних территорий, а также некашубского Поморья. Однако трудно представить себе столь значительное польское влияние на нижнелужицкие диалекты, так как о прямом соседстве речь здесь не идет.

В материалах десятого выпуска “Общеславянского лингвистического атласа”, приготовляемого к печати польским авторским коллективом, мы находим еще одно скопление уменьшительных форм от слова *рьсь ‘пес, собака’ со значением ‘висок’. А именно: на юге России, в окрестностях Курска, Липецка, Брянска, Воронежа и Белгорода отмечены формы *'p'es'ik* (в одном пункте – со вставным *-t-*: *'p'est'ik*), *'p'es'ika* и *'p'es'ik'i*, мн.ч., а также *'p'es'k'i*, которые российский авторский коллектив, по моему мнению, несправедливо счел ошибочными. Имена *пёсик* и *пёсик* засвидетельствованы в значении ‘висок’, а также в значении ‘волосы на виске’ в русском диалектном словаре, будучи локализованы так же, как в “Общеславянском лингвистическом атласе”, и даже шире – на территориях, выходящих за пределы сетки русских пунктов, охваченных атласом, а именно в окрестностях Волгограда, а также в кавказских регионах (СРНГ 26, 301). Значение ‘висок’ русский диалектный словарь отмечает в окрестностях Орла, Курска, Воронежа и Брянска, на Дону, в окрестностях Волгограда, на Кавказе – в Краснодарском и Ставропольском краях, на юго-востоке Кубани, в Терской области, у казаков-некрасовцев, а также на территории Азербайджана, значение ‘волосы на виске’ – отчасти так же: в окрестностях Воронежа, Курска и Брянска, на Дону, на Кавказе – в Краснодарском крае, на юго-востоке Кубани, в Терской области и у казаков-некрасовцев. Форма *песики* ‘виски’ отмечена также у М.А. Шолохова.

М. Фасмер (Фасмер III, 225, 249) считал рус. *пёсики* ‘виски’ преобразованием имени *пэйсыки*, *пэйсы* ‘пейсы’, представляющего собой заимствование из идиш *pejes* то же. Однако материалы “Общеславянского лингвистического атласа” наглядно показывают, что русские формы, означающие ‘виски’, не имеют никакого отношения к рус. *пэйсы*, *пэйсы* ‘волосы; пейсы; бакенбарды’, которые, впрочем, в русском диалектном словаре (СРНГ 25, 315) отмечаются совершенно в других местах, а именно в русских го-

ворах на территории Литвы и Латвии. Кроме того, следовало бы ожидать, что заимствованные *пéйсы*, *пэйсы* ‘волосы; пейсы’ будут прежде всего ассоциироваться с исконным словом *песы* ‘псы, собаки’. Однако такой формы в значении ‘волосы; пейсы; бакенбарды’ в русском диалектном словаре мы вовсе не находим.

По моему мнению, представленные выше русские диалектные названия виска: *'p'es'ik*, *'p'es'ika*, *'p'es'ik'i* – следует скорее связывать с рус. *пёсик* ← **рьсикъ* ‘пёсик’, представляющим собой уменьшительную форму от *пёс* (**рьсь*) ‘пёс, собака’. Рус. *пёсик* ‘маленькая собака’ засвидетельствовано в словаре В.И. Даля, а также в “Словаре современного русского литературного языка” (ССРЛЯ 9, 1076–1077). Сюда же, вероятно, относится также ст.-рус. *песикъ* ‘песец’ (XVII век; СлРЯ XI–XVII вв. 15, 17). Известно также укр. *пёсик* ‘пёсик, собачка’. Подвергаемая русскими исследователями сомнению диалектная форма *'p'es'k'i* из пункта на юге России рядом с украинской границей может быть результатом контаминации отмеченных там форм *'p'es'ik'i* с украинской диалектной формой *песок* (**рьськъ*) ‘пёсик, собачка’.

Как видим, в трех независимых друг от друга скоплениях уменьшительных форм от **рьсь* ‘пёс, собака’: польск. *piesek* (**рьськъ*), обычно в форме множественного числа *pieski*, н.-луж. *psyk* (**рьсикъ*) ‘пёсик, собачка’, в форме множественного числа *psyki* ‘пёсики’ и рус. диал. *пёсик* ‘пёсик, собачка’ (← **рьсикъ* с вторичным *-e-* в корневом слоге под влиянием родственных форм) и в форме множественного числа *пёсики* – возникло значение ‘висок’. Это необычное семантическое смещение не нужно объяснять ни метатезой гипотетической формы **сьпiky* (от **сьпати* ‘спать’), что принималось для н.-луж. *psyki* ‘виски’, ни влиянием языка идиш, предполагаемого для рус. *пёсики* ‘виски’.

Возникает, по моему мнению, самое простое объяснение, касающееся всех приведенных примеров. Эти названия возникли в результате ассоциации ‘косм пса’ с ‘волосами на висках’, а также в связи с тем, что многие названия ‘виска’ одновременно означают ‘волосы на висках’, как, например, рус. диал. *пёсики*, укр. *скрónя*, рус. *виски́* ‘виски’, изначально же – ‘свисающие волосы’. Таким образом, можно принять следующее направление семантических переходов: ‘(косматые) пёсики’ → ‘космы (волосы) на висках’ → ‘виски’. Определенную аналогию представляет собой польское имя *myszka* в значении ‘родинка в виде черного пятнышка, часто поросшая волосами, на теле человека’ (Doroszewski IV, 933).

Примечания

- ¹ Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku / Instytut Języka Polskiego PAN. Kraków, 1999—.
- ² Sorbischer Sprachatlas / Bearb. von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk. B. VI: Terminologie der Sachgebiete Körper und Kleidung. Bautzen, 1978, Karte 5: Schläfe.
- ³ Mały atlas gwar polskich. T. IX / Pod red. M. Karasia. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966, mapa 614.

Перевел с польского *А.А. Калашников*